

Влияние «Чигиринского заговора» на программно-тактические построения народнической организации «Черный передел»

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить влияние «Чигиринского заговора», организованного группой революционеров-народников (Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, И. В. Бохановский) с целью вызвать крестьянское восстание в Киевской губернии с помощью подложного царского манифеста, на дальнейшее развитие революционного движения в 1878–1880 гг. Обращение к практическому опыту «Чигиринского дела» конкретизирует направления реализации идейных построений чернопередельцев. Для изучения практической деятельности и публицистики революционно-народнической организации используется проблемно-хронологический метод. При анализе мнений и оценок, звучавших в ходе дискуссий в народническом лагере, применяется компаративистский подход. Автор приходит к выводу о том, что дискуссии в народнической среде по использованию чигиринского опыта в последующей революционной практике сыграли существенную роль в идейно-теоретическом кризисе «Земли и воли». Выясняется также непосредственная роль Я. В. Стефановича в расколе «Земли и воли» в августе 1879 г. и создании на ее базе «Народной воли» и «Черного передела». Автор аргументированно показывает влияние чигиринских событий на выработку в народническом лагере тактики «пропаганды действием».

Ключевые слова: революционное народничество, бакунизм, «Чигиринский заговор», «Земля и воля», «Черный передел», крестьянство, народный монархизм, «пропаганда действием», аграрный терроризм, народническая публицистика.

Abstract. This article undertakes an attempt to reveal the influence of the “Chyhyryn conspiracy”, organised by the group of revolutionists-populists (Y. V. Stefanovich, L. G. Deutsch, I. V. Bokhanovsky) with the aim of arousing a peasant uprising in the Kiev governorate with the help of a forged imperial manifest, on the further development of the revolutionary movement in 1878–1880. Turning to the practical experience of the “Chyhyryn conspiracy” allows to specify the realisational direction of the Black Repartitioners’ ideological constructions. For the study of the practical and publicist activity of the revolutionary-populist organisation the author uses the topical-chronological method. Upon the analysis of the opinions and assessments voiced during the discussions in the populist camp the comparative method is applied. The author comes to the conclusion that the discussion within the populist environment regarding the use of the Chyhyryn experience in the following revolutionary practice played a key role in the ideological and theoretical crisis of “Land and Liberty”. The direct role of Y. V. Stefanovich in the split of “Land and Liberty” in August 1879 and the consequent creation on its basis of the “People’s Liberty” and “Black Repartition” is clarified. Through arguments the author demonstrates the influence of the Chyhyryn events on the development of the tactic of “propaganda by deed” in the populist camp.

Key words: revolutionary populism, Bakuninism, “Chyhyryn conspiracy”, “Land and Liberty”, “Black Repartition”, peasantry, populist monarchy, “propaganda by deed”, agrarian terrorism, populist publicism.

История изучения «Чигиринского заговора», организованного революционерами-народниками Я. В. Стефановичем, Л. Г. Дейчем и И. В. Бохановским в 1876–1877-е гг. с целью поднять государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии на восстание против власти с помощью подложного царского манифеста, длительное время находилась в зачаточном состоянии.

Либеральные историки в дореволюционный период еще освещали этот вопрос, оценивая действия революционеров в Чигиринском уезде весьма негативно. Так, например, В. Я. Богучарский не скрывал своего неприятия «Чигиринского заговора», «составлявшего одну из самых темных страниц русского освободительного движения» [1, 253]. Сходных с ним оценок придерживались и Б. Б. Глинский [2], А. А. Корнилов [3], Л. Барриве [4], А. Тун [5].

После 1917 г. исследователи крайне острожно высказывались на эту тему, предпочитая обходить ее стороной. Своеобразной квинтэссенцией оценки «Чигиринского дела» в советской историографии стало мнение Н. А. Троицкого, трактовавшего чигиринские события как своеобразную «идейную нечаевщину» и отмечавшего, что «к чести народников, они отвергли “чигиринщину” <...> и сберегли нравственную основу русского освободительного движения» [6, 203].

За последние годы исследователи обратились к более глубокому и разноплановому изучению данной проблемы. Появилось несколько интересных статей, посвященных различным аспектам чигиринской тематики [7; 8; 9; 10; 11; 12]. В этих работах, написанных при использовании разнообразного методологического арсенала, раскрывались различные – ранее неизвестные или малоизвестные – страницы истории «Чигиринского заговора». Однако о влиянии «опыта Чигирина» на последующую революционную теорию и практику революционного народничества в них фактически не говорилось, исключение составляет разве что статья Ю. А. Пелевина. В ней автор затрагивал вопрос об оценке «Чигиринского заговора» в народническом лагере [9]. Специального же изучения влияния чигиринских событий на углубление землевольческого кризиса в 1878–1879-х гг. и особенно на программно-тактические построения возникшего на обломках «Земли и воли» «Черного передела» историками еще не проводилось, хотя представляется, что этот вопрос заслуживает серьезного внимания исследователей революционного народничества.

События, связанные с организацией «Чигиринского заговора», при осуществлении которого группа революционеров во главе с Я. В. Стефановичем, опираясь на использование подложной царской грамоты, смогла создать из государственных крестьян ряда волостей Чигиринского уезда, сторонников душевого передела земли, подпольную организацию «Тайная дружина», вызвали серьезные дискуссии в революционном лагере.

Действительно, спорить было о чем, ведь это было по сути единственное более или менее реальное предприятие в народе, охватившее около 1150 человек [13, 77] и сулившее революционерам хоть какие-то перспективы при его реализации. Отсюда и повышенное внимание как к самому «Чигиринскому заговору», так и, естественно, к его непосредственным устрой-

телям, которые к тому времени находились под арестом в Киеве.

Фактически народнический лагерь разделился на две части, причем серьезные дискуссии по этому вопросу велись и в недрах самой авторитетной тогда революционной организации – «Земли и воли». И следует признать, что адептов у Я. В. Стефановича и К° в кругах землевольцев было немало. «В описываемое время Стефанович был в апогее своей славы», – писал впоследствии С. М. Степняк-Кравчинский [14, 366].

Непосредственный свидетель тех событий – О. В. Аптекман – вспоминал: «Землевольцев “Чигиринское дело” совершенно ослепило. Не говоря уже о нашем неисправимом романтике В. А. Осинском, но даже более спокойные из землевольцев, как, например, Адриан Михайлов, увлеклись этим делом, можно сказать, до самозабвения» [15, 281]. Об этом же свидетельствовал и Г. В. Плеханов: «Лично я никогда не допускал, что революционер может действовать от имени царя. Но справедливость заставляет меня сказать здесь, что в “бунтарском” обществе “Земля и воля”, к которому я принадлежал в эпоху чигиринской попытки Стефановича и Дейча, мое отрицательное отношение к приему, ими употребленному, разделялось далеко не всеми. Я думаю даже, что значительное большинство землевольцев относилось к нему вполне одобрительно» [16, 123].

Тогда же в столице империи в кругах землевольцев велись дебаты о наиболее целесообразной для того момента тактике. Весной 1878 г. – после прибытия с юга В. А. Осинского, а потом и Г. В. Плеханова – при обсуждении программных вопросов споры в отношении чигиринского опыта зазвучали особенно остро. Сам Г. В. Плеханов указывал: «При обсуждении вопроса о наиболее целесообразной для нас тактике подавляющее большинство не только относилось с полным сочувствием к приему, употребленному в Чигиринском деле, но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием агитации на Волге» [17, 352]. Наиболее горячим сторонником «такой народно-революционной организации, которую создал Я. В. Стефанович со своими товарищами в Чигиринском уезде», выступал В. А. Осинский [1, 294], имевший как член Основного кружка «Земли и воли» немалое влияние в организации.

В этом вопросе сошлись как бы два подхода, связанных с разным видением дальнейших путей развития «Земли и воли». С одной сто-

роны – это сторонники активных действий, направленных в том числе и на прямую дезорганизацию правительства. Они цеплялись за любую, даже весьма безнравственную с точки зрения тогдашней революционной этики, возможность для реального оживления движения. С другой стороны, выступали и «правоверные» народники, считавшие любое отступление от выработанной в окончательном виде в январе 1877 г. землевольческой программы [18, 62] невозможным.

От лица наиболее убежденных народников-ортодоксов, не приемлющих монархических мистификаций, использованных Я. В. Стефановичем в «Чигиринском деле», и не разделяющих устремлений некоторых землевольцев к прямой борьбе с правительством, активно выступали Г. В. Плеханов и О. В. Аптекман. И в конце концов им удалось склонить колеблющихся на свою сторону [1, 295].

Собственно говоря, в 1878 г. вокруг оценки «Чигиринского дела» складывалась следующая ситуация. На севере, где сильны были позиции «Земли и воли» и близких к ней революционных групп – тех же остатков «чайковцев», которые смогли выйти на свободу после окончания «процесса 193-х», – в оценке чигиринских событий все же преобладало негативное отношение. На юге же ситуация была иной. Там проект Я. В. Стефановича вызвал преимущественно одобрение. Надо сказать, что революционерьюжане вообще быстрее адаптировались к меняющимся политическим условиям и выступали застрельщиками использования наиболее жестких форм борьбы против правительства – начиная от применения практики подложных царских манифестов и заканчивая актами прямого политического террора против представителей власти.

При этом следует признать, что к личностям революционеров – организаторов «Чигиринского заговора» отношение и на севере, и тем более на юге было абсолютно положительным, а где-то даже и восторженным. Они рисовались настоящими «людьми дела», пусть и не совсем достойными способами, но реально чего-то добившимися в народе. В результате подобного восприятия ситуации «в описываемое время Стефанович был в апогее своей славы» [7, 366].

Поэтому-то практически сразу же в революционных кругах зародилось намерение освободить арестованных, тем более что над их головами реально маячил смертный приговор. Тогда же у революционеров-южан и в первую очередь членов Основного кружка «Земли и воли»

В. А. Осинского и Д. А. Лизогуба возникло желание использовать чигиринский опыт на юге автономно от «Земли и воли». О таких планах имеются многочисленные свидетельства революционера Ф. Е. Курицына, оставившего подробные откровенные показания [19, 109–125].

Вынося за скобки некоторые несообразности в «записке Ф. Е. Курицына», в главном следует признать ее вполне достоверной. В подтверждение этого можно привести приписку на экземпляре, отправленном шефу жандармов: «Курицын в настоящее время содержится в особом отделении Одесской тюрьмы для политических арестантов и при полном раскаянии в своем преступном увлечении пожелал открыть все, что ему известно о деятельности так называемой русской социальной партии. Более всего Курицыным получено сведений о дворянине Лизогубе и его кружке, и все эти сведения приобретены им как из разговоров с Лизогубом, в то время когда они содержались в одной камере, так и из разговоров Лизогуба с Кравцовым, а также и из переписки, которую вел Кравцов от имени Лизогуба» [20, л. 8–8об.].

Из текста этой довольно обширной записки отчетливо явствовало, что «Чигиринский заговор» в то время оказал серьезнейшее влияние на корректировку курса революционерьюжан, в частности из окружения Д. А. Лизогуба и В. А. Осинского. Так, Ф. Е. Курицын показывал: «Прежде, по словам самого Лизогуба, кружок этот состоял только из пропагандистов, как между народом, так и между интеллигенцией <...> и уже после чигиринского дела, после ареста Стефановича и Дейча кружок принял и бунтовскую программу» [19, 111].

Дальнейшие события еще более работали на идею повторения попытки нового «Чигиринского дела». Революционерам удалось организовать успешный побег революционеров-чигиринцев. В ночь на 27 мая 1878 г. из Киевского тюремного замка бежали Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и И. В. Бохановский. Организацию побега взял на себя В. А. Осинский при непосредственном участии в этом деле М. Ф. Фроленко. Последний устроился в тюрьму сторожем, за три с половиной месяца дослужился до ключника и, используя свое положение, вывел всех троих из тюрьмы под видом надзирателей [21, 12–13].

Слухи и версии на дознании курсировали самые невероятные. В ходе расследования начальником Киевского ГЖУ полковником В. Д. Новицким была выдвинута версия о тождестве лиц,

участвовавших в организации Киевского побега, с лицами, причастными к убийству жандармского штабс-капитана барона Г. Э. Гейкинга в Киеве, и убийцами шефа жандармов Н. В. Мезенцова в Санкт-Петербурге. Высказывалась мысль, что «по всему вероятно, убийство покойного шефа жандармов и штабс-капитана барона Гейкинга дело одних рук, а быть может содействовали побегу арестантов из Киевской тюрьмы те же лица» [22, л. 20–20об.].

Что же касается планов революционеро-вужан после побега Я. В. Стефановича и его товарищей, то о них сохранилась информация из той же «записки Ф. Е. Курицына». В ней для исследователей наиболее интересны сведения о настроениях Д. А. Лизогуба. Представляется, что в этом вопросе информации Ф. Е. Курицына вполне можно доверять, так как она была почерпнута в личном общении во время пребывания в одной камере. В этом отношении очень интересная оценка Д. А. Лизогубом действий Я. В. Стефановича: «Лизогуб говорил, что Стефанович по отношению к бунту новатор, что им многое было упущено из виду и что в решительную минуту он столкнулся с такими обстоятельствами, которых прежде не предвидел, что у него мало было людей, денег и других средств и что, наконец, ими вкуче со Стефановичем бунтовская программа значительно усовершенствована и расширена» [19, 118].

Что же представляла по словам Ф. Е. Курицына эта доработанная в новых условиях «бунтовская программа»? Он по этому вопросу давал следующие сведения: «...пользоваться всяким возникшим где-либо бунтом, а если такого нет, то вызывать такие бунты, пользуясь всеми средствами, какие попадутся под руки, не брезгуя ничем. Средствами для возбуждения местных бунтов должно быть возбуждение в народе разных недовольств и возбуждение страстей посредством распускания ложных слухов и всяких других средств, какие попадутся под руку <...> Потом, если где существует, как например в Киевской губернии, желание посылать к царю ходяков с жалобами, то всеми силами поддерживать это желание и возбуждать его сильнее <...> Распускать от имени царя всевозможные подложные манифесты. Вообще действовать от имени царя, выдавая себя за посланных его императорским величеством, призывать народ к помощи против дворян и чиновников, при этом для скептиков иметь документы, подписанные царем. И далее в народе, так же, как и в городе, необходим тер-

рор, т. е. убивать тех из близко стоящих к народу властей, которых он более всего ненавидит, и при этом распускать по поводу всякого убийства прокламации и слухи» [19, 118].

Из планов Д. А. Лизогуба и его окружения по показаниям Ф. Е. Курицына следовало, что дело Я. В. Стефановича в Киевской губернии должно быть продолжено, а в дальнейшем необходимо распространение подобных мероприятий на Донскую область. Таким образом, даже если отбросить некоторые преувеличения и неточности в показаниях Ф. Е. Курицына, все же следует согласиться с тем, что «Чигиринский заговор» оказал серьезнейшее влияние на революционеро-вужан.

Взгляды же самих революционеро-чигиринцев, после побега временно перебравшихся за границу, наиболее полно представил в своей статье, помещенной в эмигрантском журнале «Община», Я. В. Стефанович. В ней, анализируя весь путь, проделанный народниками-пропагандистами, и свои наблюдения за крестьянами-малороссами, он выступал с абсолютно бакунистских позиций [23, 36]. Исходя из тезиса о невозможности для крестьян самим организовать свои силы, он призывал сделать это русских социалистов, подчеркивая, что «их существенная обязанность в настоящее время по отношению к народу очевидна: явиться инициаторами в деле организации народных сил» [23, 37].

Организационная же деятельность, по мнению Я. В. Стефановича, могла быть успешной только «при знании местных особенностей народной жизни, при понимании причин местного недовольства», при использовании тех приемов, которые могут дать наилучшие результаты именно в этой местности. Далее он самым решительным образом высказывался за так называемую «пропаганду действием» [24], то есть за непосредственную организацию революционерами крестьянских выступлений или присоединение революционеро-вужан к уже возникшим бунтам.

При этом Я. В. Стефанович, хотя и эскизно, касался вопроса о формах и способах действия будущих народных организаций, оговариваясь при этом: «Мы не станем изображать разнообразных видов деятельности в той градации, какую, по-нашему, они должны иметь по степени их полезности делу организации народных сил. Упоминаем только, что такие факты, как убийства особенно вредных шпионов, шеф ли то или просто становой пристав, возымели бы еще большее значение при организации в крестьян-

стве» [23, 38]. Т. е. фактически в добавление к ранее оформленным программным положениям им выдвигалась идея аграрного терроризма.

Не стихали теоретические споры и разногласия и в недрах самой «Земли и воли», тем более что ее программа оставляла и поклонникам, и критикам чигиринского опыта простор для маневра. Свидетельство тому – передовая статья, принадлежащая перу С. М. Кравчинского в № 1 «Земли и воли» (25 октября 1878 г.). Передовица, затрагивающая программные положения организации, обращалась в том числе и к работе по подготовке истинно народной революции в духе все той же «пропаганды действием». В частности, она гласила: «Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда и поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение “казацких кругов”, т. е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, – такова была всегда неизменная “программа” народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа. Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники» [25, 72].

Исходя из выдвинутых выше тезисов, автор призывал народников «сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу». Как пример удачного перехода социалистов «на почву чисто народную» С. М. Кравчинский и приводил пример «Чигиринского заговора». С явной симпатией он писал: «Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создает первую в нашей революционной истории народную организацию, безусловно революционную и народно-социалистическую, которая в несколько месяцев охватывает собой до 1,5 тысяч крестьян. Революционеры-социалисты здесь становятся впервые действительными, признанными вождями народных масс» [25, 77].

Далее, правда, автор оговаривался, что «было бы крайней близорукостью и даже нарушением основного принципа народнической программы рекомендовать способ действия Стефановича для всех местностей и народностей русской земли» [25, 77]. Однако С. М. Кравчинский заключал обращение к примеру Чигиринского заговора, не оставлявшими сомнения в благожелательном отношении к этому опыту: «Делу этому (Чигиринскому. – С. Т.), подобно делу Засулич, суждено быть одним из поворотных пун-

ктов в истории русской революции. Как дело Засулич разом изменило характер нашей борьбы с правительством, так это дело изменит характер нашей деятельности в среде народа» [25, 77].

Естественно, что появление подобного рода материалов на страницах ведущей народнической газеты поднимало градус обсуждения проблемы дальнейшей деятельности «Земли и воли». Причем на жесткие дискуссии между «политиками» и «деревенщиками» накладывались и споры по тактике дальнейшей работы на селе. И здесь обращение к авторитетному имени Я. В. Стефановича и его чигиринскому проекту играло очень важную роль. Тем более не следует забывать и тот факт, на который совершенно справедливо указывал исследователь Ю. А. Пелевин: что после успешного побега из Киевской тюрьмы авторитет Я. В. Стефановича в народнической среде поднялся чрезвычайно высоко [9, 146].

В обстановке ожесточенных дискуссий между «деревенщиками» и «политиками» в «Земле и воле» решено было созвать общий съезд. Он состоялся в Воронеже с 18 по 21 июня 1879 г. [26; 27; 28; 6]. На третьем заседании этого съезда Я. В. Стефановича заочно избрали членом организации [29, 429]. Как известно, Воронежский съезд, несмотря на уход с него одного из лидеров «деревенщиков» Г. В. Плеханова, закончился компромиссом. Однако, как справедливо отмечал Н. А. Троицкий: «Достигнутый компромисс не удовлетворял ни одну из сторон» [6, 252]. Сразу после окончания съезда и «политики», и «деревенщики» принялись бороться за умы колеблющихся землевольцев.

Ситуация еще больше обострилась в июле, когда из-за границы прибыло несколько революционеров, в том числе и Я. В. Стефанович. По информации Одесского жандармского управления, Я. В. Стефанович возвратился вместе с Ф. Н. Юрковским, Г. Ф. Чернявской, Л. Г. Дейчем, И. В. Бохановским, и все они, «проведя несколько дней в Киеве и Одессе, направились в Петербург» [22, л. 116].

О. В. Аптекман, являвшийся непосредственным участником событий, связанных с разделом «Земли и воли», отмечал: «Заграничные товарищи, на которых “деревенщина” возлагала свои надежды – люди с революционным прошлым и опытом, – Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, – тоже встали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен» [1, 374]. Более того, представляется вполне оправданной мысль, высказанная

Ю. А. Пелевиным, что именно Я. В. Стефанович «сыграл роль катализатора в распаде “Земли и воли”» [9, 146]. Ранее советские историки как-то затушевывали этот момент, а напрасно. Ведь на этот счет имеются свидетельства самих землевольцев, в частности Н. А. Морозова, отмечавшего, что именно «Стефанович, тотчас же присоединившийся к группе народников (так Н. А. Морозов называл “деревенщиков”. – С. Т.), сильно способствовал потом распадению “Земли и воли”. Он был очень честолюбив» [29, 429].

О первостепенной роли Я. В. Стефановича в окончательном расколе «Земли и воли» свидетельствовал и М. Р. Попов: «Не подвернись Стефанович с надеждами его на то, что в Чигирине вновь возможно будет организовать крестьянство, не прибегая к мистификациям с царскими манифестами, то, вероятно, я остался бы и продолжал мою революционную деятельность со старыми товарищами» [30, 198]. Еще одним существенным ударом Я. В. Стефановича по и без того хрупкому единству «Земли и воли» была вербовка на свою сторону хозяйки землевольческой типографии М. К. Крыловой, которая оказалась печатать статьи сторонников нового направления [29, 429–430].

В такой ситуации сохранять видимое единство стало бессмысленным, и 15 августа 1879 г. в Санкт-Петербурге на последнем собрании «Земли и воли» решено было разделить имущество между «политиками» и «деревенщиками». В состав комиссии по разделу по версии Л. Г. Дейча вошли 6 человек: Л. А. Тихомиров, А. Д. Михайлов и А. Я. Зунделевич от «политиков» и Г. Н. Преображенский, М. Р. Попов и Я. В. Стефанович от «деревенщиков» [6, 252]. В результате дальше народники пошли разными дорогами: «политики» стали называться «Народной волей», а сторонники деятельности в деревне – «Черным переделом». Так, фактически «Чигиринский разговор» и мифологизированные представления о революционном потенциале этих мест, тиражируемые преимущественно Я. В. Стефановичем, сыграли важную роль в окончательном расколе «Земли и воли».

Первоначально сторонники «Черного передела», куда вошло немало влиятельных революционеров, чувствовали себя вполне уверенно. Большая часть средств отошла к ним в связи с тем, что в эту организацию влились «почти все состоятельные члены общества, которые передали туда то, что им принадлежало» [29, 431]. Казалось, что они имеют и хороший задел по ра-

боте в деревне, в частности, в той же Киевской губернии. Действительно, локальные волнения крестьян там продолжались. Достаточно назвать волнения весной–летом 1879 г. крестьянчиншевиков в Бердичевском и Сквирском уездах [31, 331]. По-прежнему весьма беспокойной оставалась и ситуация в Чигиринском уезде.

В такой ситуации чернопередельцам казалась вполне вероятной возможность повторения чигиринской попытки. Надежды на успех они естественно связывали с именем Я. В. Стефановича, чьи возможности «деревенщиками» явно преувеличивались.

Вот как оценивал первоначальный расклад сил хорошо знакомый с тогдашней ситуацией в революционном лагере О. В. Аптекман. В своих воспоминаниях он прямо указывал, что основную надежду чернопередельцы связывали именно с проектом Я. В. Стефановича: «На первых порах надежда улыбалась нам: в наших рядах уже находились с самого основания “Черного передела” Стефанович и Дейч, испытанные практики-организаторы. Они действительно задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах, чем старое. Мы все ожили. Раз, – думали мы, – за это возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы оснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами» [1, 385].

Однако из этого мероприятия ничего не вышло. Рекогносцировка в Чигирин провалилась. Выезжавшие на место революционеры вернулись ни с чем. Они сообщали, что «военное положение создало <...> в Чигирине такую обстановку, в которой сам черт ноги ломает» [1, 386]. Однако даже после такой неудачи ставка на использование чигиринского опыта, пусть даже в несколько измененном виде, оставалась главным козырем новой организации. Об этом явственно свидетельствовала чернопередельская газета, в числе постоянных сотрудников которой оказались все те же Я. В. Стефанович и Л. Г. Дейч [1, 387].

Так, уже в № 1 «Черного передела», в передовице «От редакции» (8 декабря 1879 г.), декларировалось следующее: «Ближайшей задачей нашею <...> должна быть организация <...> той народно-боевой партии, о значении которой мы уже говорили. Если мы этого не сделаем, если мы к этому не подготовим народ, революционное движение, как всякое стихийное движение, может пройти грозой через всю Россию, не принеся народу ничего существенного» [32, 139]. Фак-

тически это были повторения идей, высказанных Я. В. Стефановичем ранее в журнале «Община».

Поэтому неудивительно, что большую часть объема первого номера «Черного передела» занимала статья все того же Я. В. Стефановича о «Чигиринском деле». № 2 «Черного передела» (сентябрь 1880 г.) также содержал продолжение этого весьма объемного очерка. В заключение этих очерков редакция поместила следующую заметку: «Помещая на страницах нашего журнала рассказ о Чигиринском деле, мы вовсе не думаем пропагандировать тех средств (так в тексте. – С. Т.), какие в нем практиковались. По нашему мнению, дело имеет значение как чрезвычайно важный опыт создания революционной организации среди народа; в этом отношении оно заслуживает особенного внимания русских социалистов и главным образом теперь, когда события грозят увлечь чуть не все революционные силы в борьбу, имеющую очень мало общего с вопросом экономической революции в России (имеется в виду политическая борьба “Народной воли”. – С. Т.). Мы думаем, что этот рассказ должен служить ответом скептикам, сомневающимся в возможности создания революционной организации среди народа и серьезного отношения с его стороны к этой организации» [32, 214].

И хотя редакция публично отмежевывалась от «понятия об авторитарном знамени и об агитации во имя идеализированного царя» [32, 215], было очевидно, что, обращаясь в качестве примера к чигиринскому опыту, чернопередельцы печатно признавали тот факт, что реально в народнической среде никакого другого более-менее показательного примера и не существовало. И фактически «Черному переделу» ничего не оставалось, как полностью довериться авторитету признанных практиков по работе в крестьянской среде – Я. В. Стефановича и Л. Г. Дейча.

Однако особенности политической обстановки в России во второй половине 1879 – начале 1880 гг. не оставляли шансов для них хоть как-то изменить ситуацию по перенесению практики «пропаганды действием» на реальную почву Малороссии. После провала чигиринской рекогносцировки реально чернопередельцам ничего так и не удалось сделать. Постепенно и ранее близкая к ним молодежь начала склоняться к принятию народовольческой программы.

Собственно, тогдашнее настроение большинства революционных групп было уже сориентировано в сторону прямой борьбы с правительством. В таком прямом противостоянии они

могли видеть хоть какой-то реальный результат, работа же в деревне напоминала наполнение бочек Данаида. Примерно такое же мнение о взглядах тогдашней революционной молодежи в разговоре с Г. В. Плехановым сформулировал и опытный пропагандист Серебряков: «Теоретически вы (т. е. народники-чернопередельцы. – С. Т.) правы, но психика у молодежи теперь иная; она, молодежь, не пойдет за вами, в деревню ее калачом не заманишь» [1, 388–389].

Революционерам, уцелевшим от полицейских погромов второй половины 1870-х гг., и поколению, идущему за ними, нужно было живое дело, а это была политическая борьба в городах. Именно поэтому представители «Черного передела» искали шансы также в обращении к опыту прямой борьбы с узурпаторами народной жизни в деревне, но им не хватало живого примера – того, что сами народники называли «пропагандой действием». Поэтому-то они в своих тактических построениях пытались апеллировать как к опыту Чигирина, так и к ирландскому опыту аграрного терроризма [33].

Но к их большому разочарованию, повторить второй раз чигиринский проект, несмотря на наличие в регионе серьезного горючего материала, на тех же основаниях было невозможно, а что-то другое Я. В. Стефанович предложить был не в состоянии.

В такой ситуации, особенно после взрыва 19 ноября 1879 г. народовольцами царского поезда, оставаться в России без реальных перспектив на работу в деревне представителям «Черного передела» не имело смысла, да и было смертельно опасно. Собственно, выбор для них был невелик: либо присоединиться к находящейся тогда на подъеме «Народной воле», либо эмигрировать и из-за границы пропагандировать свои взгляды, ожидая изменения ситуации в России.

В таких условиях в январе 1880 г. начался выезд за границу главных деятелей «Черного передела». Почти одновременно разными путями из России выехали Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич и Я. В. Стефанович. О. В. Аптекман так описывал свои чувства, когда провожал с Варшавского вокзала Я. В. Стефановича: «Недавно только прощался с Плехановым, а теперь проводил Стефановича. Лучшие люди ушли <...> а с уходом этих людей с таким именем, с таким прошлым, как у Стефановича, В.И. Засулич, Дейча и Плеханова, – душа отлетела от общества, от осиротелого “Черного передела”. И началась уже агония, смерть казалась неминуемой» [1, 402–403].

Даже из этого небольшого фрагмента «Воспоминаний» О. В. Аптекмана видно, что с личностью Я. В. Стефановича этот деятельный и авторитетный в революционных кругах пропагандист, являвшийся одним из лидеров «Черного передела», связывал свои главные надежды на практическую реализацию планов по работе на селе. Если Г. В. Плеханов был нужен организации в первую очередь как «интеллектуальный рупор», формулирующий ее мысли через печать, то Я. В. Стефанович воспринимался чернопередельцами как основной практик-организатор, именно с ним связывали надежду на создание боевой народно-революционной организации и подготовку широкого крестьянского движения.

Однако в изменившихся условиях в 1879 – начале 1880 гг. Я. В. Стефанович ничего не смог предложить взамен уже использованному им ранее обращению посредством подложного царского манифеста к глубинным пластам народного монархизма с целью вызвать крестьянское выступление. Как справедливо подметил участник народнического, а затем и эсеровского движения Е. А. Серебряков в оценке «Чигиринского дела»: «Подлог мог иметь значение лишь один раз, пока не открыт, повторение же всегда неудачно» [34, 21].

После ликвидации «Черного передела» пути Я. В. Стефановича, а также его друга и соучастника по «Чигиринскому заговору» Л. Г. Дейча разошлись. Я. В. Стефанович чуть позже примкнул к «Народной воле», а Л. Г. Дейч вместе с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич стоял у истоков созда-

ния первой российской марксистской организации – группы «Освобождение труда».

Вполне можно согласиться с базовым выводом Ю. А. Пелевина, отмечавшего, что «в заговоре, сшитом Я. В. Стефановичем белыми нитками, наглядно проявился монархизм и религиозность крестьян, а не революционизм и социальность пореформенной деревни. “Бунтари” фактически предприняли ревизию утопических догм Бакунина такими же утопическими средствами в полной уверенности, что они способны своими силами преодолеть менталитет крестьян и социально-экономическое состояние пореформенной деревни» [9, 150]. Отсюда и столь плачевный финал.

Причем этот трагический для революционеров-чернопередельцев итог был еще более фатальным, потому что фактически ставил крест на всей дальнейшей работе народников-деревенщиков. Когда стало ясно, что амбициозные, но реально ничем не подкрепленные планы по созданию народно-боевых организаций на селе сводятся лишь к разговорам, рухнул не только «Черный передел», но и сама вера в эффективность «пропаганды действием».

В дальнейшем иногда еще предпринимались спорадические попытки возрождения работы в деревне отдельными энтузиастами, но в реальном измерении эта деятельность все более приобретала культурнический смысл и постепенно становилась уделом реформаторского народничества – сторонников «теории малых дел» [35] и представителей земства.

Библиография:

1. Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1912. 384 с.
2. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881). Исторические очерки. СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина, 1913. 528 с.
3. Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1909. 263 с.
4. Барриве Л. Освободительное движение в царствование Александре II. Исторические очерки. М.: Типография Русского товарищества, 1909. 180 с.
5. Тун А. История революционных движений в России. Пг.: Государственное издательство, 1920. 282 с.
6. Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. 370 с.
7. Мауль В. Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии чигиринских крестьян) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / Материалы IV научно-практической конференции. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2015. Ч. 1. С. 251–254.
8. Мауль В. Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 114–126.
9. Пелевин Ю. А. «Южные бунтари» и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.
10. Терехова С. А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф. Д. Прядко // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2013. С. 69–71.
11. Терехова С. А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94–100.

12. Терехова С. А. Мистификация и революция: «константиновская легенда» в тактических построениях русских революционеров XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 77–87.
13. Дейч Л. Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник статей и материалов. Ред. журнала «Исторический архив». М.: Госиздат, 1921. Вып. 1. С. 73–79.
14. Степняк-Кравчинский С. М. Андрей Кожухов; Домик на Волге; Биографии // Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. 464 с.
15. Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг.: Колос, 1924. 460 с.
16. Плеханов Г. В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Плеханов Г. В. Собр. соч. Т. XXIV. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 123–124.
17. Плеханов Г. В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело // Плеханов Г. В. Собр. соч. Т. XII. М.; Л.: Госиздат, 1923. С. 351–357.
18. Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / Под ред. С. Н. Валка. М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 454 с.
19. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. (1876–1882 гг.) / Под ред. С. С. Волка. М.; Л.: Наука, 1965. 472 с.
20. Записка агента III отделения Ф. Курицына // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-я эксп. 1879. Д. 641.
21. Фроленко М. Ф. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. 16 с.
22. По обвинению 829 крестьян в принадлежности к революционному обществу «Тайная дружина» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Д. 262. Ч. 2.
23. Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину») // Община. 1878. № 8–9. С. 33–38.
24. Милевский О. А. «Пропаганда действием» в тактических построениях революционеров-бакунистов в середине 1870-х гг. // Василий Федорович Антонов. Памяти учителя: воспоминания и статьи. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2015. С. 109–125.
25. Революционная журналистика семидесятых годов / Под ред. Б. Базиловского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону: Типография «Донская речь», 1907. 312 с.
26. Твардовская В. А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов // История СССР. 1959. № 4. С. 60–74.
27. Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М.: Наука, 1983. 300 с.
28. Ткаченко П. С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М.: Госиздат, 1961. 296 с.
29. Морозов Н. А. Повести моей жизни: Мемуары. Т. 2. М.: Б. и., 1961. 702 с.
30. Попов М. Р. Записки землевольца. М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 513 с.
31. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. / Под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1968. 612 с.
32. «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. // Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. 355 с.
33. Милевский О. А. Ирландский фактор в русском освободительном движении 1860–1880-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 80–83.
34. Серебряков Е. А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб.: Общественный труд, 1906. 126 с.
35. Зверев В. В. Русское народничество: учебное пособие. М.: Издательство РАГС, 2009. 286 с.

References (transliterated):

1. Bogucharskii V. Ya. Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov. M.: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovyykh, 1912. 384 s.
2. Glinskii B. V. Revolyutsionnyi period russkoi istorii (1861–1881). Istoricheskie ocherki. SPb.: Tipografiya tovarishchestva A. S. Suvorina, 1913. 528 s.
3. Kornilov A. A. Obschestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855–1881). Istoricheskie ocherki. M.: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1909. 263 s.
4. Barrive L. Osvoboditel'noe dvizhenie v tsarstvovanie Aleksandre II. Istoricheskie ocherki. M.: Tipografiya Russkogo tovarishchestva, 1909. 180 s.
5. Tun A. Istoriya revolyutsionnykh dvizhenii v Rossii. Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. 282 s.
6. Troitskii N. A. Krestonosty sotsializma. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2002. 370 s.
7. Maul' V. Ya. Zagovor ot imeni tsarya (o nekotorykh chertakh psikhologii chigirinskikh krest'yan) // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy / Materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gumanitarnogo universiteta, 2015. Ch. 1. S. 251–254.
8. Maul' V. Ya. Lozhnoe ekho «Chigirinskogo zagovora» v sud'be ober-konduktora Chaikovskogo // Novyi istoricheskii vestnik. 2014. № 4 (42). S. 114–126.
9. Pelevin Yu. A. «Yuzhnye buntari» i «Chigirinskii zagovor» // Rossiiskaya istoriya. 2014. № 1. S. 130–150.
10. Terekhova S. A. Iz istorii agrarnogo dvizheniya v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v.: krest'yanskiy vozhak F. D. Pryadko // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy / Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gumanitarnogo universiteta, 2013. S. 69–71.
11. Terekhova S. A. K voprosu ob istokakh «Chigirinskogo zagovora»: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v. // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 4 (25). S. 94–100.
12. Terekhova S. A. Mistifikatsiya i revolyutsiya: «konstantinovskaya legenda» v takticheskikh postroeniyakh russkikh revolyutsionerov XIX v. // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 4 (31). S. 77–87.

13. Deich L. G. Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uyezda // Sbornik statei i materialov. Red. zhurnala «Istoricheskii arkhiv». M.: Gosizdat, 1921. Vyp. 1. S. 73–79.
14. Stepnyak-Kravchinskii S. M. Andrei Kozhukhov; Domik na Volge; Biografii // Stepnyak-Kravchinskii S. M. Sochineniya. V 2-kh t. T. 1. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 464 s.
15. Aptekman O. V. Obshchestvo «Zemlya i volya» 70-kh gg. po lichnym vospominaniyam. Pg.: Kolos, 1924. 460 s.
16. Plekhanov G. V. Predislovie k russkomu izdaniyu A. Tuna «Istoriya revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii» // Plekhanov G. V. Sobr. soch. T. XXIV. M.; L.: Gosizdat, 1927. S. 123–124.
17. Plekhanov G. V. G-zha Breshkovskaya i Chigirinskoe delo // Plekhanov G. V. Sobr. soch. T. XII. M.; L.: Gosizdat, 1923. S. 351–357.
18. Arkhiv «Zemli i voli» i «Narodnoi voli» / Pod red. S. N. Valka. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva byvshikh politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1932. 454 s.
19. Revolyutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka. T. 2. (1876–1882 gg.) / Pod red. S. S. Volka. M.; L.: Nauka, 1965. 472 s.
20. Zapiska agenta III otdeleniya F. Kuritsyna // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 109. 3-ya eksp. 1879. D. 641.
21. Frolenko M. F. Pobeg Deicha, Stefanovicha i Bokhanovskogo. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva byvshikh politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1924. 16 s.
22. Po obvineniyu 829 krest'yan v prinadlezhnosti k revolyutsionnomu obshchestvu «Tainaya družhina» // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 109. 3-ya eksp. 1877. D. 262. Ch. 2.
23. Stefanovich Ya. Nashi zadachi na sele (pis'mo v «Obshchinu») // Obshchina. 1878. № 8–9. S. 33–38.
24. Milevskii O. A. «Propaganda deistviem» v takticheskikh postroeniakh revolyutsionerov-bakunistov v seredine 1870-kh gg. // Vasiliy Fedorovich Antonov. Pamyati uchitelya: vospominaniya i stat'i. Moskva: Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta družby narodov, 2015. S. 109–125.
25. Revolyutsionnaya zhurnalistika semidesyatykh godov / Pod red. B. Bazilevskogo (V. Bogucharskogo). Rostov-na-Donu: Tipografiya «Donskaya rech'», 1907. 312 s.
26. Tvardovskaya V. A. Krizis «Zemli i voli» v kontse 70-kh godov // Istoriya SSSR. 1959. № 4. S. 60–74.
27. Tvardovskaya V. A. N. A. Morozov v russkom osvoboditel'nom dvizhenii. M.: Nauka, 1983. 300 s.
28. Tkachenko P. S. Revolyutsionnaya narodnicheskaya organizatsiya «Zemlya i volya». M.: Gosizdat, 1961. 296 s.
29. Morozov N. A. Povesti moei zhizni: Memuary. T. 2. M.: B. i., 1961. 702 s.
30. Popov M. R. Zapiski zemlevo'l'tsa. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva byvshikh politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1933. 513 s.
31. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg. / Pod red. P. A. Zaionchkovskogo. M.: Nauka, 1968. 612 s.
32. «Chernyi peredel»: Organ sotsialistov-federalistov 1880–1881 gg. // Pamyatniki agitatsionnoi literatury. T. 1. M.; Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 355 s.
33. Milevskii O. A. Irlandskii faktor v russkom osvoboditel'nom dvizhenii 1860–1880-kh gg.: k postanovke problemy // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 4 (25). S. 80–83.
34. Serebryakov E. A. Ocherk po istorii «Zemli i Voli». SPb.: Obshchestvennyi trud, 1906. 126 s.
35. Zverev V. V. Russkoe narodnichestvo: uchebnoe posobie. M.: Izdatel'stvo RAGS, 2009. 286 s.